

Михаил Лабацук
Uniwersytet Łódzki

ТЕРМИНОЛОГИЯ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА
В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДАХ

Для польского и русского языкознания характерны разные традиции, наследство и приоритеты исследований, что находит отражение, прежде всего, в терминологии. Несмотря на то, что существует множество разных пониманий таких фундаментальных явлений коммуникации, как язык и речь, в определенные периоды развития языкознания можно отметить наиболее устоявшиеся и традиционные употребления соответствующих им базисных терминов. Рассмотрим, например, соотношение наименований и употреблений традиционных терминов теории Фердинанда де Соссюра (*language — langue — parole*) в разных переводах. Данные термины, соответствующие сложному комплексу явлений «язык–речь», содержат в себе, как минимум, инвариантный (системный) и вариативный (актуально-процессуальный) аспекты. Прежде всего, всегда представлял и представляет трудность перевод родового термина данных понятий (то есть, понятий *language — langue — parole*). Перевод родового термина требует не только перевода, но вначале определения и обоснования его в качестве статуса родового термина.

Ниже в Таблице 1 мы представляем схему соотношений вышеотмеченных терминов с обозначением знаком вопроса места их возможного перевода.

Таблица 1: Терминология Ф. де Соссюра

Language	Langue	parole?
.....?? (statyka, potencjał, narzędzie)? (intencja, proces)? (rezultat)

Переводчик *Notes medites de F. De Saussure* (заметок Ф. де Соссюра по языкознанию) на русский язык Н. А. Слюсарева вполне обоснованно предложила считать за родовой термин именно термин *language* и переводить его на русский язык как языковая деятельность (см.: Слюсарева 1990, с. 7–28).

Тем не менее, на наш взгляд, более адекватным был бы перевод термина *language* в русском варианте как термин «вербальная деятельность», так как термин «вербальная деятельность», оставаясь родовым, одновременно избегает избыточных семантических компонентов, содержащихся в термине, предложенном Слюсаревой. Такими избыточными семантическими компонентами термина «языковая деятельность» является противоречие между его компонентом «языковая» и компонентом «деятельность», а именно распространение субстанциональной процессуальности (деятельность) непросуальным определением (языковая).

Как известно, в традиции лингвистики XX-го века, а также и нового времени семантика термина «язык» связана с системностью, то есть с инвариантностью и потенциальностью, а семантика термина «деятельность» связана с актуальностью, процессуальностью. Термин «вербальная деятельность» избегает этих противоречий, так как исключает в формальной структуре термина сочетание семантического поля системности с семантическим поле деятельности. Таким образом, более точным синонимом термина «языковая деятельность» является термин «вербальная деятельность» (*działalność werbalna*), синонимом которому может быть также термин «языковой опыт» (*doświadczenie językowe*).

Ниже подаются примеры перевода терминологии в традиции русского языкознания (Таблица 2) и в традиции украинского языкознания (Таблица 3). Следует сделать одно существенное уточнение: де Соссюр не пользовался активно термином «текст», без которого невозможно в современной лингвистике говорить о категориях вербальной деятельности. На этом основании мы все же вводим термин «текст» в таблицу, которая представляет структуру языковой деятельности.

Таблица 2 Структура языковой деятельности

Language	langue	parole	texts
Языковая деятельность (? = Языковой опыт)	Язык (потенциальность, статика)	Речевая деятельность (интенциальность, процесс)	тексты (результативность)

См., например, цитату из *Заметок по общей лингвистике*, демонстрирующую правомочность толкования терминов в том виде, как они представлены в Таблице 2: «Мы получаем язык из языковой деятельности, отделив его от речи [...] если из Языковой деятельности (Language) вычтешь все, что является Речью (Parole), то оставшуюся часть можно назвать собственно Языком (Langue), который состоит исключительно из психических элементов» (Соссюр 1990, с. 191–192).

Таблица 2 Структура мовної діяльності

Language	langue	parole	texts
Мовна діяльність	Мова (потенційність, статика)	Мовленнєва діяльність (интенційність, процес)	тексти (результативність)

Ниже в Таблице 4 мы представляем схему, представляющую традицию перевода вышеотмеченных терминов в польском языкознании. Как в самом названии таблицы, так и в ее структуре знаками вопроса обозначено место и возможный перевод родового термина «langauge». Знаки вопроса одновременно свидетельствуют об отсутствии общепризнанного родового термина в польском языкознании (например, им мог бы быть термин «mowa», однако он, являясь многозначным, в то же время имеет значение термина «parole» де Соссюра). Таким образом, трудность (или неоднозначность) представляют в переводе на польский язык термины «langauge» и «parole».

Таблица 4 Struktura (?) doświadczenia językowego (?)

Language	Langue	parole	Texts
doświadczenie językowe =?	język (statyka, potencjał, narzędzie)	mowa (intencja, proces)	teksty (rezultat)

Таблица 4 представляет очень частый, но не единственный вариант перевода вышеотмеченных терминов. Переводчик *Notes medites de F. De Saussure* на польский язык проф. М. Данелевичова предлагает считать родовым термином именно термин language (см.: Таблица 5) и переводить его на польский язык как «mowa» (см.: Danielewiczowa 2004: s. 307). Однако термин «mowa» очень часто в польском языкознании употребляется в значении термина parole, что подкрепляет излишнюю многозначность данного термина. Термин parole, в свою очередь, проф. М. Данелевичова предлагает переводить как «wypowiedź». См., например, цитату из *Szkice z językoznawstwa ogólnego*: «W mowie ludzkiej język wydobywa się z wypowiedzi [...]. Kiedy wytrąci się z Mowy wszystko to, co jest Wypowiedzią, reszta może być nazwana czystym Językiem i obejmuje wyłącznie elementy psychiczne [...]» (Saussure 2004, s. 307).

Таблица 5 Терминология М. Данелевичовой; Struktura mowy = (?)

Language	Langue	parole	Texts
mowa =?	język (statyka, potencjał, narzędzie)	wypowiedź (intencja, proces)	teksty (rezultat)

Таким образом, можно констатировать в данном случае при переводе термина parole конкуренцию двух терминов — «mowa» и «wypowiedź». Кроме того, трудность представляет создание определения от термина «wypowiedź» — «znaczenie wypowiedziowe» (?)» или «znaczenie wypowiedzi» (?) (по аналогии от русских терминов: язык — языковое значение, речь — речевое значение, или от польских терминов: język — znaczenie językowe, mowa — znaczenie mowne). Так что, можно сказать, пока нет более менее однозначно принятого варианта перевода данных терминов в польском языкознании.

Невозможно в данном случае кого-то упрекать в плохом или неточном переводе, в какой-то чрезвычайной актуальности или даже необходимости точности переводов терминов (хотя бы даже только по причине несводимости к одному знаменателю разных научных теорий). Возможно, точности перевода терминов даже нельзя достигнуть. По крайней мере, вопрос перевода двух незаполненных клеток в Таблице 6 остается открытым.

Таблица 6 Терминология Ф. де Соссюра

Language	langue	parole
.....?	język (statyka, potencjał, narzędzie) ? (intencja, proces)	tekst (rezultat)

В языкознании разнообразие терминов всегда представляло способность, с одной стороны, для нескольких терминов обозначать одно понятие, а, с другой стороны, способность для одного термина обозначать разные понятия. Конечно, в этом нет ничего особо хорошего, но также нет и ничего драматического. Среди многих других терминов примерами подобной асимметрии являются даже наиболее употребительные термины, такие как: *язык, речь, значение, форма, понятие, знак, денотат, сигнификат, десигнат, морфема* и мн. др. Например, значение и понятие — это не всегда то же самое. Если даже возьмем, в частности, определение термина «значение» только в качестве семиотического значения, а в нем только значение вербальное, то и тогда, как минимум, оно может быть представлено в вариантах языковом и речевом.

К тому же, синонимами (неполными) к терминам «языковое значение» и «речевое значение» могут являться соответственно термины «зуальное значение» и «окказиональное значение». Однако эти соотносимые пары также обозначают не всегда то же самое. Например, термин «зуальное значение» обозначает языковое значение, скорее, только нормативное, а термин «языковое значение», кроме того, также и значение не обязательно нормативное. Термин «речевое значение» обозначает актуализированное языковое значение как аналитического, так и синтетического типа, в то время как термин «ок-

казиональное значение» обозначает актуализированное языковое значение только синтетического типа.

Как широко известно, де Соссюр основным законом языка (несмотря на то, что, как он утверждал, это постоянно вызывает удивление) считал «положение о том, что один член никогда сам по себе ничего не значит (это прямое следствие того, что языковые символы не связаны с тем, что они должны обозначать) [...]». Таким образом, оба члена имеют ценность только в силу своих отличий друг от друга; иначе говоря, ни один член, даже ни одна его часть не могут иметь ценности без подобного переплетения вечно отрицательных различий» (Соссюр 1990, с. 101). Можно даже сказать, что Соссюр минимализирует сложность значения термина, сводя значение (в данном случае) только к различию между двумя членами оппозиции. Таких оппозиций в каждом случае употребления любой языковой единицы гораздо больше и они создают целые комплексы аналогий, алгоритмов и моделей речевого поведения. На основании вышеотмеченного, значением термина является не его значение само по себе, а его место в системе терминов, то есть, собственно говоря, в целостности теории. Не только знак сам по себе ничего не значит, но и его составные, например, форма, значение и др. определяемы в результате соотношений с аналогичными категориями других знаков.

Все единицы языка являются результатами отношений устоявшихся комплексов связей. Значение знака является способным что-либо значить только потому, что оно является результатом отношения, с одной стороны, между понятием, а, с другой стороны, формой выражения (точнее говоря, образом формы выражения), а все вместе они являются функцией когнитивной картины мира и интенции субъекта. Так определяемое значение вербального знака является языковым значением. Языковой знак можно также определить как результат связи в довременной памяти остатков кратковременной памяти о закономерностях, с одной стороны, формального использования знака, а, с другой стороны, семантической (смысловой) сочетаемости (семантической валентности). И это всего лишь самая обобщенная и упрощенная модель отмеченных отношений. Во всяком случае, она позволяет учитывать различие между знаками, легко удерживаемыми и воспроизводимыми в памяти и знаками, требующими иных операций их освоения и использования (например, большие тексты).

В прагматике межличностной коммуникации мы должны учитывать отличие 1) потенциальных знаковых единиц, 2) актуальных единиц в процессе общения и 3) семиотических конструкций, представляющих результат общения. Вышеотмеченное языковое значение знака по своей онтологии значительно отличается от статуса единиц, представленных в единицах 2) и 3). Теория и практика лингвистических исследований показывает преимущественно единичную фактуальность базовых единиц анализа (так называемый

редукционизм), максимум дихотомию отношений. А уже с введением в исследование дихотомий (антиномий) категорий, чего собственно и требовал де Соссюр, начинаются значительные проблемы. Например, когда говорится о знаке, идет речь, преимущественно, о чем-то хотя едином, но об одном, а не, как следовало бы, о минимум двух смежных сущностях (знаке языковом и знаке речевом). Но, если в сравнении с единичностью сложнее говорить об антиномии анализа, то еще сложнее говорить о трех или четырех смежных или подобных сущностях (например, языковое значение — речевое значение — инвариантное понятие — актуальное понятие), опять же, как того требовал и из чего исходил де Соссюр.

Понятно, что отмеченные внутренние отношения в пределах лишь одной знаковой единицы осложняются связями с подобными внутренними отношениями другой отдельной единицы или нескольких отдельных единиц. Из внешних связей единиц через алгоритмы аналогий складываются модели речевого поведения (речепроизводства и знакообразования — см.: Лещак 1996, с. 279, 285). Кроме моделей речепроизводства и словопроизводства в языке существуют (в виде моделей аналогических конструкций) сложные выразительные и изобразительные приемы речевого поведения, например, прежде всего можно привести такой прием как метафора. Подобные модели и конструкции аналогических отношений лежат в основе таких приемов как ирония, контаминация, дефразеологизация, они составляют основу каламбуров, анекдотов, то есть юмора в широком значении, они также составляют основу начальных этапов освоения иностранных языков и мн. др.

Следует акцентировать еще раз причину, по которой мы считаем важным обращение к проанализированной проблематике на основе терминологии де Соссюра. На наш взгляд, несмотря на частое обращение к теории де Соссюра и цитирование его наследия, остается не оцененной и даже иногда до сих пор не понятой значительная часть его аксиоматических положений. Совершенно верно проф. Данелевичова высказывает мнение о том, что продолжает оставаться незадействованным эвристический потенциал идей де Соссюра (см.: Danielewiczowa 2004, с. 11–12), по крайней мере, по таким важным аспектам теории как язык — речь, теория знака, диахрония — синхрония языка и др.

Основу проблемы семантики терминов представляет, как мы выше отмечали, дихотомия «система языка — процесс речи», однако в качестве дихотомии она предстает только в своей крайности, а поэтому и упрощенности. Подчеркнем, что так можно представить проблему только в своей крайней обобщенности, потому что в исследованиях уже давно обращено более пристальное внимание именно на несистемные явления в системе языка. Хотя, справедливости ради, отметим, что данные «несистемные явления языка» являются всего лишь уточнением (иногда значительным и принципиальным) традиционного понимания системности. Как пример можно привести теорию

коммуникативной лингвистики Алексея Авдеева и Гражины Хабрайской, лингвистики языкового существования Бориса Гаспарова и др. Именно системно-инвариантный характер имеет категория «standardów semantycznych» в теории Авдеева и Хабрайской, также, скорее, инвариантной является категория «układów predykawo-argumentowych» (см.: Awdiejew, Habrajska 2004, s. 43). Например, Гаспаров справедливо утверждает, что каждый конкретный случай речевой деятельности уникален (см.: Гаспаров: <http://lamp.semiotics.ru/gasparov_5.htm>), однако это вовсе не снимает фактического наличия в нем системных инвариантов (синтаксических, лексических, словообразовательных и др.): эти инварианты попросту сложнее, чем они на данный момент были описаны.

Таким образом, кроме исследования и описания прагматики речевых единиц важнейшей задачей современного языкознания является описание системного и инвариантного характера языка. В решении данной задачи по-прежнему актуальной и в значительной мере незадействованной и все еще превратно понятой остается теория языка де Соссюра.

Использованная литература

- Б. Гаспаров: *Лингвистика языкового существования*. <http://lamp.semiotics.ru/gasparov_5.htm>.
- О. Лешак: *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*. Тернопіль 1996.
- Н. А. Слюсарева: *О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию*. W: Ф. де Соссюр: *Записки по общей лингвистике*. Москва: Прогресс 1990, с. 7–28.
- Ф. де Соссюр: *Записки по общей лингвистике*. Москва: Прогресс 1990.
- A. Awdiejew, G. Habrajska: *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. 1. Łask 2004.
- M. Danielewiczowa: *Przedmowa do wydania polskiego. Ferdynand de Saussure — siła paradoksu*. W: F. de Saussure: *Szkice z językoznawstwa ogólnego*. Warszawa: Dialog 2004, s. 11–23.
- F. de Saussure: *Szkice z językoznawstwa ogólnego*. Warszawa: Dialog 2004.

Michail Łabaszczyk

TERMINOLOGIA FERDINANDA DE SAUSSURE’A
W JĘZYKU ROSYJSKIM I POLSKIM

Streszczenie

W artykule analizowana jest specyfika przekładu niektórych terminów teorii języka Ferdinanda de Saussure’a na język rosyjski i język polski. Autor zauważa trudności a nawet brak możliwości ścisłego przekładu niektórych terminów, na przykład language, parole i in., również zwraca uwagę na niepełne zrozumienie lub nawet niezrozumienie wielu ważnych aspektów teorii we współczesnych interpretacjach lingwistycznych. W związku z tym w artykule zaakcentowana jest aktualność i heurystyczność teorii języka Ferdinanda de Saussure’a dla współczesnej lingwistyki.

Mikhail Labashchuk

TERMINOLOGY OF THE FERDINAND DE SAUSSURE IN RUSSIAN AND IN POLISH

Summary

In the present paper it has been analyzed the originality of translation some terms of the theory Ferdinand de Saussure in Russian and in Polish. There have been found as difficult or even impossible to translate some terms, for example, such as language, parole and so on. It has been focused on insufficient understanding or even nonunderstanding of many important aspects of the theory Ferdinand de Saussure in the modern linguistic interpretations. In connection with this in the article it has been accented the actuality and heuristics of the theory Ferdinand de Saussure for modern linguistics.